

ЗАВЕТЫ

THE TESTAMENT

MARGARET ATWOOD

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Оглавление

I   СТАТУЯ   9
II   ЦВЕТОК ДРАГОЦЕННЫЙ   15
III   ГИМН   39
IV   «БОРЗАЯ МОДНИЦА»   49
V   ФУРГОН   73
VI   ШЕСТЬ — ЭТО ТЛЕН   89
VII   СТАДИОН   129
VIII   «КАРНАРВОН»   141
IX   ПАЛАТА «ИСПОЛАТЬ»   159
X   ВЕСЕННЯЯ ЗЕЛЕНЬ   181
XI   ВЛАСЯНИЦА   197
XII   «КОВРЫК»   217
XIII   СЕКАТОР   243
XIV   АРДУА-ХОЛЛ   257
XV   ЛИС И КОШКА   289
XVI   ЖЕМЧУЖНЫЕ ДЕВЫ   299
XVII   ИДЕАЛЬНЫЕ ЗУБЫ   319
XVIII   ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ   329
XIX   КАБИНЕТ   357
XX   РОДОСЛОВНЫЕ   367

XXI   МАЛО НЕ ПОКАЖЕТСЯ   391
XXII   СТОП-СЕРДЦЕ   403
XXIII   СТЕНА   423
XXIV   «НЕЛЛИ ДЖ. БЭНКС»   429
XXV   ПОДЪЕМ   441
XXVI   ЗЕМЛЯ   451
XXVII   ПРОЩАЙ   459
ТРИНАДЦАТЫЙ СИМПОЗИУМ   464
БЛАГОДАРНОСТИ   476

Всякой женщине надлежит иметь те же мотивы, что у прочих женщин, — иначе она чудовище.

Джордж Элиот, «Даниэль Дефонда»

Когда мы смотрим в лицо друг другу, мы смотрим не только на ненавистное лицо, мы смотрим в зеркало... Разве вы не узнаете себя, свою волю в нас?

Оберштурмбанфюрер Лисс — старому большевику Мостовскому.

Василий Гроссман, «Жизнь и судьба»

Свобода — это груз, который может оказаться не по силам для слабого. Свобода — не подарок, свобода — выбор, иногда нелегкий.

Урсула К. Ле Гuin, «Гробницы Атуана»¹

---

¹ Перев. С. Славгородского. (Здесь и далее примеч. перев. Переводчица благодарит за поддержку Бориса Грызунова.)

I

Статуя

А в тօғрағ из Ардуа-холла

1

Статуи дозволительны только мертвым, а вот мне статуя досталась при жизни. Я уже окаменела.

Статуя – небольшой знак благодарности за мой обширный вклад; об этом говорилось в приказе, который зачитала Тетка Видала. Что она сделала по поручению нашего руководства и не испытывая ни капли благодарности. Призвав на помощь всю свою скромность, я сказала «спасибо», потянула за бечевку и сдернула свой тканый саван; ткань спорхнула на землю – и мне явилась я. У нас в Ардуа-холле гикать не принято, однако сдержаные хлопки раздались. Я в ответ склонила голову.

В камне я больше, чем в жизни – со статуями так бывает сплошь и рядом, – и статуя моложе, худее и в лучшей форме, нежели последние годы была я. Спина прямая, плечи расправлены, губы изогнуты в стоической, но великодушной улыбке. Глаза мои устремлены к некоей космической точке отсчета, каковая, очевидно, олицетворяет мой идеализм, мою несгибаемую верность долгу, мою решимость идти вперед вопреки любым

препонам. Моя статуя, впрочем, никаких небесных явлений не узрит — ее поставили в кустах посреди угрюмой рощицы, обок от тропинки, что бежит вдоль фасада Ардуа-холла. Нам, Теткам, даже в камне кичливость не к лицу.

За мою левую руку, доверчиво взирая снизу вверх, цепляется девочка лет семи-восьми. Моя правая рука возлежит на темени женщины, что скорчилась рядом, — волосы под вуалью, взгляд заведен на меня, в лице читается то ли робость, то ли признательность: кто-то из наших Служанок, — а за моей спиной стоит одна из моих Жемчужных Дев, готовая приступить к миссионерским трудам. На поясе у меня висит электробич. Оружие напоминает о моих изъянах: если б я работала плодотворнее, этот инструмент мне бы не понадобился. Я убеждала бы одним лишь голосом.

Не самая удачная скульптурная группа — чересчур перегруженная. Лучше бы внятнее сделали акцент на мне. Зато на вид я хотя бы в здравом рассудке. А могло выйти иначе: престарелая скульпторша — правоверная, уже скончалась — имела обыкновение передавать благочестивый пыл, наделяя свои изваяния выпученными глазами. Бюст Тетки Хелены страдает бешенством, у бюста Тетки Видалы — гиперфункция щитовидки, а бюст Тетки Элизабет с минуты на минуту грозит лопнуть.

На открытии скульпторша нервничала. Льстит ли мне статуя? Одобряю ли я? Одобрю ли зрито? Я подумывала нахмуриться, едва упадет простыня, но отказалась от этой мысли: у меня все-таки есть сердце.

— Прямо как живая, — сказала я.

Было это девять лет назад. Время не пощадило статую: меня изукрасили голуби, мои повлажневшие складки заросли мхом. Почитательницы завели привычку оставлять подношения у моих ног: яйца — знак плодовитости, апельсины — намек на

вынашивание, круассаны — аллюзия на луну. Хлебные изделия я оставляю — как правило, их успевает полить дождь, — а вот апельсины забираю себе. Апельсины весьма освежают.

Я пишу в своем личном кабинете в библиотеке Ардуа-холла — одной из немногих библиотек, что сохранились после увлеченного сжигания книг, прокатившегося по нашей земле. Прошлое оставило уродливые и кровавые отпечатки пальцев — следовало их стереть, дабы освободить пространство чистому душой поколению, которое, несомненно, явится со дня на день. Так гласит теория.

Но кровавые отпечатки пальцев оставляли и мы, а их так просто не сотрешь. За долгие годы я захоронила немало костей, а теперь склоняюсь вновь извлечь их из-под земли хотя бы тебе в назидание, безвестный мой читатель. Если ты это читаешь, значит, моя рукопись по крайней мере уцелела. Впрочем, возможно, я фантазирую: возможно, у меня никогда не будет читателя. Возможно, единственным собеседником моим будет стенка — во многих смыслах.

На сегодня довольно бумагомарания. Ноет рука, ломит спину, и меня ждет еженощная чашка горячего молока. Сочинение свое я сокрою в тайнике, избегая камер наблюдения — где они, я знаю, я сама их устанавливала. Невзирая на такие предосторожности, я вполне сознаю, чем рискую: писания бывают опасны. Какие вероломства, а затем и доносы уготованы мне? В Ардуа-холле найдутся те, кто с дорогой душой наложил бы лапу на эти страницы.

Не спешите, безмолвно советую им я: будет хуже.

II

Цветок драгоценный

